

Научная статья

УДК 343.72

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-137-151>

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Вячеслав Викторович Лавринов^{1,2}

Татьяна Алексеевна Пасикова³

¹ Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, 344064, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, д. 3В

² Ростовский филиал Российской таможенной академии, 344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, д. 20

³ Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, 344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66

¹ vvl-rostov@mail.ru

³ tatyana-plotko@yandex.ru

Аннотация

Расследование и квалификация мошенничества представляют особую сложность, что связано с необходимостью учитывать не только положения уголовного права, но и иные нормы, источником которых являются в том числе положения иностранного законодательства. Это обуславливает актуальность исследуемой авторами темы. Цель исследования – рассмотреть вопросы, связанные с расследованием уголовных дел о мошенничестве, совершаемом в рамках соглашений (договоров), при регулировании которых используются положения международного частного и иностранного (в том числе английского) права. Указывается, что при квалификации подобных деяний следует учитывать, что применение норм иностранного права для регулирования отношений, возникающих на основании соглашений, возможно, даже если соглашение (договор) составлено на территории Российской Федерации, при наличии соответствующих положений в самом соглашении.

Ключевые слова: мошенничество; международное частное право; представительство; предпринимательская деятельность; распределение прибыли; коммерческая тайна.

Для цитирования: Лавринов В. В., Пасикова Т. А. Проблемные вопросы расследования мошенничества, совершаемого в сфере международного частного права // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 137–151. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-137-151>

Research Article

PROBLEMATIC ISSUES IN INVESTIGATING FRAUD IN THE FIELD OF INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Vyacheslav V. Lavrinov^{1,2}

Tatyana A. Pasikova³

¹ Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 3B Volokolamskaia St., Rostov-on-Don, 344064, Russia

² Rostov Branch of the Russian Customs Academy, 20 Budennovskii Ave., Rostov-on-Don, 344002, Russia

³ Rostov Branch of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, 66 Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

¹ vvl-rostov@mail.ru

³ tatyana-plotko@yandex.ru

Abstract

The investigation and qualification of fraud is particularly challenging due to the need to consider not only the provisions of criminal law, but also other norms, including those derived from foreign legislation, which makes the topic of this research relevant. The purpose of this study is to explore the issues related to the investigation of criminal cases involving fraud related to agreements (contracts) that utilize the provisions of international private and foreign (including English) law. It is pointed out that when qualifying such acts, it should be taken into account that the application of foreign law norms in regulating relations arising from agreements, even if the agreement (contract) is drawn up in the territory of the Russian Federation, is possible if the agreement contains relevant provisions.

Keywords: fraud; international private law; representation; entrepreneurial activity; profit distribution; commercial secret.

For citation: Lavrinov V. V., Pasikova T. A. Problematic Issues in Investigating Fraud in the Field of International Private Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 137–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-137-151>

Введение

Особенностью предпринимательской деятельности является то, что она, будучи направленной на получение прибыли, осуществляется на свой страх и риск. Как правило, такая деятельность основана на определенном доверии, в том числе как к лицам, совместно с которыми она осуществляется, так и к контрагентам. Безусловно, совместная деятельность способствует как достижению определенных поставленных коммерческих целей, так и увеличению получаемой прибыли. Совместная предпринимательская деятельность может, с учетом специфики, выходить как за пределы территориальных образований, субъектов Российской Федерации, так и за пределы самой Российской Федерации. Кроме того, в предпринимательской деятельности могут участвовать как резиденты Российской Федерации (физические и юридические лица), так и нерезиденты. С учетом этого, регулирование предпринимательской деятельности, прав и обязанностей ее участников, может осуществляться как законодательством Российской Федерации, так и иностранным законодательством, в том числе корпоративным. Международное частное право, которое носит как материальный, так и прецедентный характер, с учетом своей специфики достаточно сложно для правоприменения и требует знания и понимания как определенных нормативных актов (в том числе иностранных, которые весьма существенно по структуре и содержанию отличаются от привычных для российского предпринимателя), так и зачастую судебной зарубежной практики. И в этой ситуации желание получить большую прибыль толкает российских предпринимателей на выход на международный уровень, даже с учетом определенного правового нигилизма, связанного с незнанием либо недопониманием специфики правового регулирования в сфере международного частного права. При этом не учитываются (либо учитываются, но этому не придается должного значения) следующие моменты: предпринимательская деятельность не всегда осуществляется лицами, намеренными оставаться в рамках правового поля. Российские предприниматели порой надеются использовать как подобное незнание своими контрагентами положений международного частного права, так и собственное знание установленных международным частным правом требований, допущений, разрешений, прав и обязанностей. Иногда такое использование сопряжено с обманом или злоупотреблением доверием и влечет за собой завладение чужим имуществом или попытку его завладеть (либо правом на имущество). Чаще всего имеет место факт разногласий между участниками договорных отношений по поводу распределения и получения прибыли.

1. Значение норм иностранного права при квалификации мошенничества

При проведении процессуальной проверки и расследовании уголовных дел о преступлениях подобной категории следователю (особенно на первоначальном этапе) неясно, в чем именно заключается мошенничество, кто и в отношении кого совершил преступление (совершил хищение имущества путем обмана или злоупотребления доверием) и на основании каких нормативно-правовых актов принимать решение, связанное с квалификацией совершенного деяния. Более того, не исключена ситуация, когда имеет место не преступление, а факт разногласий между участниками договорных отношений по поводу распределения и получения прибыли, т.е. гражданско-правовых отношений. Разногласия между сторонами, возникшие по таким отношениям, подлежат рассмотрению в соответствующем суде, что влечет за собой отсутствие оснований для привлечения кого-либо к уголовной ответственности (и, соответственно, перенос спора из гражданско-правовой плоскости в уголовно-правовую и уголовно-процессуальную со всеми вытекающими отсюда последствиями).

В этой ситуации перед следователем возникает проблема: как квалифицировать подобные деяния – как уголовно наказуемое преступление или рассматривать как гражданско-правовые отношения. Однако для того, чтобы правильно ответить на этот вопрос, следователь должен знать (или принять меры к получению такого знания) ответы на ряд вопросов, связанных с положениями международного частного права.

Установление соответствующих сведений и обстоятельств входит в предмет доказывания (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1]) и должно улавливаться в ходе следствия, так как только после их установления возможно решить вопросы квалификации. Безусловно, предмет доказывания и входящие в него обстоятельства (в том числе связанные с решением вопросов правового характера) устанавливаются путем проведения следственных и иных процессуальных действий. Проведение таких действий по конкретному уголовному делу входит в круг полномочий соответствующего должностного лица правоохранительного органа.

Один из таких вопросов связан с тем, нормы какого права (российского или иностранного) применяются в тех или иных случаях при осуществлении предпринимательской деятельности. Чаще всего данный вопрос возникает в связи с тем, что в предпринимательской деятельности нередко используются нормы корпоративного права, которое свое наибольшее развитие получило в Великобритании. В связи с этим нормы английского права нередко применяются и при регулировании отношений, возникающих и существующих за пределами Великобритании, в том числе в Российской Федерации. Данный вопрос связан с тем, что нередко в том или ином договоре, соглашении (связанных с предпринимательской или корпоративной деятельностью) указывается, что возникающие при реализации такого соглашения правоотношения и вопросы регламентируются, разрешаются и подпадают под действие не российского права, а права иностранного (в том числе, например, английского). Более того, нередки случаи, когда предметом соглашения (договора) является прибыль, получаемая от деятельности иностранной орга-

низации. Наличие подобного иностранного элемента существенно осложняет определение соответствующих норм, подлежащих применению. И в зависимости от того, нормы какого права (государства) будут применены, возможно кардинально противоположное участие в деятельности соответствующей организации, его управление, распределение прибыли, принятие решений и т.п., что, соответственно, может использовать в своих целях то или иное лицо и влиять на вопрос о наличии в его действиях мошенничества (преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса РФ [2] (далее – УК РФ)). Соответственно, перед следователем (а в дальнейшем перед прокурором, судьей) встает вопрос: возможно ли применение норм права другого государства (в том числе английского права (права Великобритании)) и перевод возникающих вопросов (в данной ситуации гражданско-правового характера) в юрисдикцию не российского, а иностранного права при регулировании отношений, возникающих на основании того или иного соглашения (мы говорим о добровольном подписании подобного соглашения, договора), в котором имеется зафиксированное волеизъявление сторон о передаче возникающих вопросов в юрисдикцию иного государства (права иного государства, в том числе английского), если договор составлен на территории Российской Федерации?

Несмотря на то что результат ответа на данный вопрос повлияет на процессуальное решение уголовного характера (об отказе или возбуждении уголовного дела, предъявлении обвинения и т.п.), правоприменитель (следователь, прокурор, судья) должен обратиться к нормам гражданско-правового характера.

Из системного анализа ст. 1210 Гражданского кодекса РФ [3] (далее – ГК РФ) и ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ [4] следует, что при заключении договора закон позволяет сторонам выбрать нормы иностранного права, которые подлежат применению к их правам и обязанностям. Соответственно, заключение договора (соглашения), в котором будет указываться на возможность применения в ходе его реализации, а также устранения возникающих разногласий с применением положений иностранного права, не может рассматриваться как мошенничество, так как допускается положениями права российского.

На допустимости применения норм иностранного права стоит также Верховный Суд РФ [5; 6].

Таким образом, при проведении процессуальных проверок и расследовании уголовных дел о мошенничестве, связанном с использованием и применением положений международного частного права путем обмана или злоупотреблением доверием, следует сделать вывод, что применение норм иностранного права (в том числе английского права (права Великобритании)) при регулировании отношений, возникающих на основании соглашений (договоров) (в том числе отнесение вопросов гражданско-правового характера в иностранную юрисдикцию (например, английского права), даже если соглашение (договор) составлено на территории Российской Федерации, возможно. Игнорирование такого положения может привести к неверной квалификации и, как следствие, к привлечению к уголовной ответственности невиновного лица, так и к неправомерному освобождению лица, совершившего мошенничество.

2. Значение положений российского и иностранного права о представительстве и третьих лицах при квалификации мошенничества

Нередко следователь сталкивается с еще одной проблемой, связанной с квалификацией тех или иных действий как мошенничества. Данный вопрос связан с совершением представительства и действий (в том числе юридически значимых) одних лиц от имени других. И следователь, расследуя уголовное дело, решает вопрос: могут ли интересы участников соответствующих договоров (соглашений) представлять третьи лица, выполняя при этом соответствующие действия (в том числе связанные, например, с получением или распределением прибыли), при наличии ссылки о возможности регулирования правоотношений иностранного права, и какой нормой урегулирован данный вопрос?

В данном случае в соответствии с российским законодательством порядок осуществления представительства и выдачи доверенности регламентируется гл. 10 ГК РФ (ст. 182–189 [7]). Следует также учитывать положения заключенного между сторонами соглашения (договора), если данный вопрос затрагивался, и положения законодательства, связанного с осуществлением представительства.

Нередко в договоры (соглашения) включается положение о том, что, за исключением случаев, когда в договоре (соглашении) прямо не указано иное, договор (соглашение) не наделяет какое-либо лицо или сторону (помимо сторон договора (соглашения)) какими-либо правами на основании Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8], что не всегда позволяет сделать однозначный вывод о возможности осуществления данного представительства в соответствии с имеющейся доверенностью. В подобных ситуациях следует устанавливать правовой статус (мы имеем в виду гражданско-правовой, а не уголовно-процессуальный), в том числе выяснять, является ли то или иное лицо третьим лицом или представителем, так как признание лица третьим лицом исключает, как правило, возможность участия в соответствующих договорах (соглашениях) как не являющихся субъектами таковых.

Кроме того, следует учитывать положение, согласно которому все сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

В случае, если то или иное лицо выступает именно представителем, следует учитывать положения заключенного договора (соглашения, контракта и т.п.), а также положения гражданского законодательства, связанного с представительством и доверенностью. При этом следует учитывать положение п. 1 ст. 182 ГК РФ, согласно которому сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого. При этом согласно п. 4 ст. 182 ГК РФ не допускается совершение через представителя сделки, которая по своему характеру может быть совершена только лично, а равно других сделок, указанных в законе.

Согласно ст. 1217.1 ГК РФ, если иное не вытекает из закона, отношения между представляемым или представителем и третьим лицом определяются по праву страны, которое выбрано представляемым в доверенности, при условии, что третье лицо и представитель были извещены об этом выборе.

По общему правилу отношения между представляемым или представителем и третьим лицом определяются по праву того государства, в котором живет или осуществляет деятельность представитель. Если третье лицо не знало и не должно было знать об этих обстоятельствах, то применяется право страны, где преимущественно действовал представитель в конкретном случае.

Следует также учитывать сведения о том, какое право выбрано в доверенности и что третье лицо (третьи лица, в том числе иные участники договора (соглашения, контракта и т.п.)) было извещено об этом выборе.

В целом следует ответить, что интересы участников соглашения (договора, контракта и т.п.) могут представлять иные лица. В российском законодательстве данные правоотношения регламентируются ст. 182–189 ГК РФ.

С предыдущим вопросом связан еще один вопрос, также связанный с возможностью квалификации мошенничества по делам рассматриваемой категории, а именно имеет ли полученная на территории Российской Федерации доверенность на представление интересов юридическую силу при решении споров по подобным соглашениям (договорам, контрактам и т.п.) и их реализации, включая осуществление юридически значимых действий представителем от имени представляемого.

Прежде всего по уголовным делам о мошенничестве такие вопросы связаны с распределением полученной (или предполагаемой) прибыли. Вопрос заключается в том, может ли принимать участие в распределении прибыли не только непосредственно сам участник соглашения (договора, контракта), но и его представитель (в том числе при отсутствии представляемого лица), что, соответственно, может повлечь за собой хищение денежных средств или иного имущества (права на имущество).

При ответе на данный вопрос следует учитывать, что по правилам ст. 155, 156, 185 ГК РФ доверенность является односторонней сделкой, которая, в зависимости от характера имеющихся в ней пороков, может быть признана в установленном законом порядке как недействительной, так и ничтожной в силу ст. 168 ГК РФ, в связи с чем следователю следует устанавливать сведения о признании ее недействительной либо прекращении ее действий, либо отсутствии таковых, а также круг действий и полномочий, предусмотренных в той или иной доверенности.

В случае если в доверенности полномочия, связанные с совершением сделок и иных действий гражданско-правового характера, не предусмотрены, то осуществление вышеуказанных юридически значимых действий невозможно.

В случае, если такие действия в доверенности предусмотрены, то отказ в представительстве при реализации положений договора (соглашения, контракта) возможен только в определенных случаях, предусмотренных п. 4 ст. 182 ГК РФ, в том числе при совершении сделки, которая носит личный характер.

На наш взгляд, не имеется оснований считать, что действия, связанные с распределением и получением прибыли, относятся к таким обстоятельствам. В законе запрета на совершение рассматриваемых действий через представителя не имеется. Реализация прав представляемого не является сделкой, которая устанавливает, изменяет или прекращает права и обязанности.

Каких-либо особых препятствий для осуществления юридически значимых действий представителем от имени представляемого, связанных с реализацией подобных договоров (соглашений, контрактов), при наличии действующей доверенности, не имеется.

Таким образом, полученная на территории РФ доверенность на представление интересов участников соответствующих договоров (соглашений, контрактов) имеет юридическую силу при решении споров по таким договорам (соглашениям, контрактам), включая распределение прибыли (при наличии соответствующих полномочий в доверенности).

При расследовании уголовных дел о мошенничестве, связанном с соглашениями, в которых используются положения международного частного права, при реализации которых возникают вопросы распределения прибыли и осуществления представительства, следовательно, используя предоставленные ему уголовно-процессуальным законодательством полномочия, также должен выяснить дополнительно следующие обстоятельства:

а) повлечет ли за собой представительство в рамках реализации того или иного контракта (соглашения, договора) нарушение коммерческой тайны, что, в свою очередь, нарушает права иных участников контракта (соглашения, договора) (что также делает необходимым принятие решения о наличии либо отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ)?

б) является ли представитель третьим лицом, которое может быть рассмотрено как какое-либо лицо или сторона (помимо сторон настоящего договора), которое соответствующее соглашение (договор, контракт) не наделяет какими-либо правами на основании ранее упомянутого Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г.?

Следует полагать, что реализация интересов участников договора (соглашения, контракта) путем участия представителя в обсуждении полученной общей прибыли указанных компаний от совместной деятельности и ее распределении не может рассматриваться как нарушение коммерческой тайны, в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [9], согласно ч. 1 ст. 6.1 которого права обладателя информации, составляющей коммерческую тайну, возникают с момента установления им в отношении этой информации режима коммерческой тайны в соответствии со ст. 10 данного Закона. Кроме того, обмен информацией о полученной прибыли в целях ее распределения является способом реализации подобных соглашений (договоров, контрактов). Право на получение такой информации имеют все участники соглашения (договора, контракта). Данное право может быть реализовано (при невозможности его реализации лично) участником путем предоставления соответствующей доверенности своему представителю, действующему во взаимоотношениях с участниками соглашения (договора, контракта) не от собственного имени, а от имени представляемого лица, в связи с чем представительство интересов участника в рамках подобного договора (соглашения, контракта) не повлечет за собой нарушение коммерческой тайны и нарушение прав иных участников соглашения (договора, контракта). Это,

в свою очередь, исключает уголовную ответственность по ст. 183 УК РФ (незаконное получение и разглашение коммерческой тайны).

Рассмотрение вопроса, является ли представитель третьим лицом, которое может быть рассмотрено как какое-либо лицо или сторона (помимо сторон договора (соглашения, контракта)), которое такое соглашение (договор, контракт) не наделяет какими-либо правами на основании Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8], нами исследовано с позиции российского материального права и английского права.

В соответствии с положениями российского права третьим лицом признается субъект материальных правоотношений, связанный с рассматриваемым правоотношением. Такое лицо обладает собственными субъективными правами либо охраняемыми законом интересами, которые могут как совпадать с интересами участников гражданских (в том числе договорных) правоотношений, так и не совпадать.

Согласно ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, по которому исполнение производится не участникам соглашения, а третьему лицу.

На аналогичной позиции стоит и Пленум Верховного Суда РФ [6; 10].

Следует признать, что при выдаче доверенности у представителя никаких прав, вытекающих из договора, не возникает, и, соответственно, у сторон соглашения (договора, контракта) не образуется каких-либо корреспондируемых им обязательств. При реализации полномочий, указанных в доверенности, представитель реализует не свои собственные права и законные интересы, а только права представляемого лица, вытекающие из заключенного соглашения (договора, контракта). В связи с этим представитель не может быть рассмотрен как третье лицо.

Рассматривая положения английского права, следует учитывать положения некоторых нормативных актов, регламентирующих применение доверенности в гражданском праве, а также правовое положение третьих лиц, в том числе Закон «О доверенностях» 1971 г. [11] и Закон «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8].

Рассматривая вопросы доверенности, следует учитывать, что выдача доверенности в Великобритании регулируется ч. 10 Закона «О доверенностях» 1971 г. Обычная доверенность, в отличие от постоянной доверенности, которая выдается для передачи решений, касающихся вопросов медицинского обслуживания и социальной защиты населения, может быть выдана только для решения вопросов, связанных с недвижимостью или при решении финансовых вопросов. Доверитель отвечает за действия доверенного лица, возложенные на него доверенностью, на все время действия доверенности [12].

Представитель не относится к категории третьих лиц. Основным правилом, определяющим правовое положение третьего лица в договоре в английском праве, является правило о недопустимости вмешательства, согласно которому третьи лица не приобретают прав и обязанностей по договору. Третье лицо, согласно английскому праву, – это лицо, не являющееся стороной договора и не участвовавшее в заключении договора, но имеющее интерес в его исполнении [13, р. 270; цит. по: 14, с. 107].

В английском праве только стороны договора могут приобретать права и обязанности в соответствии с ним. При этом согласно выработанному судебной практикой «правилу недопустимости вмешательства третьих лиц в договор» (далее – правило недопустимости вмешательства) третьи лица не приобретают прав по заключенному договору даже в том случае, если он был заключен в их пользу.

В 1999 г. из этого правила появился ряд исключений, в том числе возникших после принятия Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. С принятием Закона у третьих лиц появилась возможность требовать исполнения договоров, в том числе и безвозмездных [14].

Обращение к тексту Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8] позволяет определить круг таких лиц, а именно лиц, имеющих право обеспечить принудительное исполнение договорных условий (не входящее в число сторон договора), в следующих случаях:

- условия договора в прямой форме предусматривают такое право соответствующего лица;
- из содержания этого условия следует, что оно предполагает предоставление ему выгоды.

Согласно положениям указанного Закона если стороны договора не хотят, чтобы кто-либо другой мог требовать исполнения договора, то они могут ясно выразить это в договоре [8].

Однако представитель под данную категорию третьего лица не подпадает, так как лично для него (как правило) договор никаких прав не предоставляет (так же как и обязанностей). В результате реализации условий соглашения (договора, контракта) лично для себя как третье лицо он никаких выгод не получает, самостоятельных требований не заявляет и заявить не может, являясь лишь исполнителем воли, реализуя права и законные интересы своего доверителя (представляемого лица).

Таким образом, при наличии доверенности представитель может представлять интересы представляемого лица – участника соглашения (договора, контракта) в рамках соответствующего соглашения (договора, контракта) (при наличии таких полномочий в доверенности), что основано на положениях ст. 182–189, 430 ГК РФ [7], постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» [6], от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» [10], законов Великобритании «О доверенностях» 1971 г. [11], «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8].

3. Значение положений о распределении прибыли и форс-мажорных обязательствах при квалификации мошенничества

И здесь возникает еще один вопрос, связанный с квалификацией хищения имущества (прав на имущество), полученного в результате предпринимательской деятельности в рамках соответствующего контракта (соглашения, договора) между его участниками. А именно: в случае, если один из участников соглашения (договора, контракта) не может самостоятельно исполнять взятые на себя права и обя-

зательства в связи с наличием объективных обстоятельств (например, заболевания), обязаны ли иные участники соглашения (договора, контракта) выполнять взятые на себя обязательства или имеют возможность аккумулировать прибыль у себя с целью последующего распределения ее после прекращения таких обстоятельств (например, выздоровления одного из участников соглашения (договора, контракта))? Или их действия следует рассматривать как мошенничество?

Отвечая на этот вопрос, следует учитывать, что права и обязанности участников соответствующего соглашения (договора, контракта), в том числе связанные с распределением прибыли, определяются, как правило, положениями соответствующего соглашения (контракта, договора).

Общая черта российского регулирования со многими иностранными и международными актами, а также международными договорными обычаями – действие непреодолимой силы («форс-мажор») освобождает от ответственности за нарушение обязательства, но не прекращает само обязательство и не изменяет сроки его исполнения [15].

С учетом положений российского законодательства, в данном случае следует применять положения нормы ст. 401 ГК РФ, в соответствии с которой (п. 1) лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности.

Если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Для английского права данный вопрос неактуален, так как взыскание убытков не зависит от наличия или отсутствия вины и даже обстоятельств непреодолимой силы [16]. Для того чтобы иметь юридический эффект, условие о форс-мажоре в соответствии с английским правом должно быть включено в договор. Так, стороны вправе предусмотреть, что при возникновении конкретных чрезвычайных обстоятельств могут наступить определенные в договоре правовые последствия. Оговорка о форс-мажоре должна быть в достаточной степени детализированной, иначе суд может признать такое договорное условие ничтожным [17; цит. по: 18].

Заболевание иного лица не является основанием для невыполнения своих обязательств иными участниками соглашения (договора, контракта). Таким образом, в случае, если один из участников соглашения (контракта, договора) не может самостоятельно исполнять взятые на себя права и обязательства в связи с заболеванием, иные участники соглашения (договора, контракта) обязаны выполнять взятые на себя обязательства. Однако данный вопрос необходимо рассматривать с учетом иных возможных положений соглашения (договора, контракта).

В некоторых случаях участники подобного соглашения (договора, контракта), при невозможности одного из участников реализовать свои полномочия в результате форс-мажорных обстоятельств, желая присвоить полученную прибыль, даже при наличии представителя такого участника (через которого он намеревается ре-

ализовать свои полномочия), отказываются ее распределять и делится ею (в том числе через представителя), ссылаясь на то, что соглашение (договор, контракт) носит личный характер, не предусматривая возможность реализации вытекающих из соглашения (контракта, договора) полномочий. Данные показания можно опровергнуть, выяснив, имеет ли представитель право получать прибыль по такому соглашению (договору, контракту), имея доверенность от участника и учитывая, что он (участник) не может самостоятельно представлять свои интересы как следствие форс-мажорных обстоятельств.

В соответствии со ст. 185 ГК РФ представитель имеет право получать прибыль по таким соглашениям (контрактам, договорам), имея доверенность (в случае предоставления ему таких полномочий в доверенности от участника). Соответственно, отказ остальных участников от распределения и передачи части прибыли в этом случае позволяет сделать вывод о наличии признаков соответствующего преступления против собственности.

Также при наличии соответствующей доверенности представитель в соответствии со ст. 185 ГК РФ имеет право получать сведения, связанные с реализацией соответствующего соглашения. Отсутствие таких полномочий в доверенности препятствует возможности получения таких сведений (информации). Представитель также, согласно ст. 185 ГК РФ, имеет право участвовать в обсуждении вопроса о распределении прибыли вместо участника, имея доверенность от участника в случае предоставления таких полномочий в доверенности. Отсутствие таких полномочий в доверенности препятствует возможности получения таких сведений (информации). Круг полномочий должен быть прямо зафиксирован в доверенности [19].

При отсутствии таких полномочий в доверенности представитель получать прибыль возможности не имеет. В случае, если в соглашении (договоре, контракте) указан конкретный адрес направления прибыли (получатель, банковские реквизиты), то прибыль подлежит направлению именно по предусмотренным в соглашении (договоре, контракте) реквизитам. Изменение получателя и банковских реквизитов получателя прибыли возможно только при изменении условий соглашения (договоре, контракте).

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что при расследовании и квалификации преступлений, связанных с совершением мошенничества при реализации соглашений (договоров, контрактов), содержащих положения международного частного и иностранного (в том числе английского) права (включая распределение прибыли), даже если такие соглашения заключены на территории Российской Федерации, следует учитывать возможность применения норм как российского, так и иностранного права при регулировании отношений, возникающих на основании соглашений. Это требует знания и понимания таких норм правоприменителем.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета. 2017. 4 июля. № 144.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 17 июля. № 154.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Закон Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. // *Juris facto* : сайт. URL: https://perevodzakonov.ru/zakony/contracts_third_parties_rights_act_1999.pdf?ysclid=lvglhlczhd349284957 (дата обращения 24.08.2025).
9. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. 2016. 5 дек. № 275.
11. Закон Великобритании «О доверенностях» 1971 г. // *Legislation.gov.uk* : сайт. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/27/1991-02-01> (дата обращения 24.08.2025).
12. Виды доверенностей в Великобритании // Англия: медиа-портал : сайт. URL: <https://angliya.com/publication/vidy-doverennostey-v-velikobritanii/> (дата обращения 24.08.2025).
13. *Elliott C., Quinn F. Contract Law*. 8th ed. London : Pearson Education Limited, 2011.
14. Чурилов А. Ю. Особенности правового положения третьих лиц в английском праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45).
15. Попов Д. А. Форсаж (о форс-мажоре и новой реальности) // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 4.
16. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022.
17. *British Electrical and Associated Industries (Cardiff) Ltd v. Patley Pressings Ltd*. [1953] 1 WLR 280.

18. Архипов Д. А. Модификация обязательств при наступлении форс-мажора: теория и практика // Судья. 2020. № 7.

19. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 22 июля 2016 г. № 2668/03-16-3 «О Методических рекомендациях по удостоверению доверенностей» (вместе с Методическими рекомендациями по удостоверению доверенностей, утв. решением Правления ФНП от 18 июля 2016 г., протокол № 07/16) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Criminal Procedural Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ. *Rossiiskaia Gazeta*, December 22, 2001, no. 249. (In Russ.)

2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 No. 146-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 49, art. 4552. (In Russ.)

4. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 30, art. 3012. (In Russ.)

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2017 No. 23 "On the Consideration by Arbitration Courts of Cases on Economic Disputes Arising from Relations Complicated by a Foreign Element". *Rossiiskaia Gazeta*, July 4, 2017, no. 144. (In Russ.)

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2019 No. 24 "On the Application of the Norms of Private International Law by the Courts of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, July 17, 2019, no. 154. (In Russ.)

7. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)

8. Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999 of the United Kingdom. URL: https://perevodzakonov.ru/zakony/contracts_third_parties_rights_act_1999.pdf?ysclid=lvglhlczhd349284957 (date of the application: 24.08.2025). (In Russ.)

9. Federal Law of July 29, 2004 No. 98-FZ "On Commercial Secrets". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2004, no. 32, art. 3283. (In Russ.)

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2016 No. 54 "On Some Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Performance". *Rossiiskaia Gazeta*, December 5, 2016, no. 275. (In Russ.)

11. Powers of Attorney Act 1971 of the United Kingdom. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/27/1991-02-01> (date of the application: 24.08.2025).

12. Types of Powers of Attorney in the UK. URL: <https://angliya.com/publication/vidy-doverennostey-v-velikobritanii/> (date of the application: 24.08.2025).

13. Elliott C., Quinn F. Contract Law. 8th ed. London: Pearson Education Limited, 2011.

14. Churilov A. Iu. Features of the Legal Status of Third Parties in English Law. *Bulletin of Omsk University. Series "Law"*, 2015, no. 4 (45). (In Russ.)

15. Popov D. A. Forsage (on Force Majeure and the New Reality). *Defense-Industrial Complex: Legal Issues*, 2020, no. 4. (In Russ.)

16. Karapetov A. G. (ed.). Change of Persons in an Obligation and Liability for Breach of an Obligation: Commentary to Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2022. (In Russ.)

17. *British Electrical and Associated Industries (Cardiff) Ltd v. Patley Pressings Ltd.* [1953] 1 WLR 280.

18. Arkhipov D. A. Modification of Obligations upon the Occurrence of Force Majeure: Theory and Practice. *Judge*, 2020, no. 7. (In Russ.)

19. Letter of the Federal Notary Chamber of July 22, 2016 No. 2668/03-16-3 “On the Methodological Recommendations for the Certification of Powers of Attorney” (together with the Methodological Recommendations for the Certification of Powers of Attorney, approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber of July 18, 2016, protocol No. 07/16) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. В. Лавринов – кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Т. А. Пасикова – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

V. V. Lavrinov – PhD in Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

T. A. Pasikova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 25.08.2025; approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 20.03.2026.